

История

Китай и распад СССР

© 2011

Р. Медведев

Публикуемая статья является главой из новой, готовящейся к печати книги известного российского историка Роя Медведева «Подъем Китая». Автор представляет свою точку зрения на события в Китае во время визита туда М. Горбачева в 1989 г.

Ключевые слова: советско-китайские отношения до 1989 г., визит М. Горбачева в Китай в 1989 г., события на площади Тяньаньмэнь

Из истории советско-китайских отношений

Крушение КПСС и распад Советского Союза вызвали не только озабоченность, но и тревогу в руководящих кругах КНР. В период моего первого посещения Китая в 1992 г. и во время второй поездки в Китай в 2002 г. тема «исторического краха КПСС и СССР» и «уроков распада Советского Союза» была главной темой многих встреч и выступлений, в том числе на очень высоком уровне. Было очевидно, что мало кто из лидеров КПК оплакивал Советский Союз, однако его столь быстрое разрушение явно обеспокоило китайскую элиту. В истории самого Китая несколько раз происходил распад единого государства, а времена смут или внутренних войн продолжались годами, нанося огромный ущерб стране. Опасность разрушения государства возникла в КНР и в 1976–1977 гг. после смерти Мао Цзэдуна. Укрепление единства страны стало одним из приоритетов политики Дэн Сяопина и второго поколения лидеров Китая в 1978–1988 гг. Выполнению этой задачи должна была служить нормализация отношений между КНР и СССР, которые начали ухудшаться после XX съезда КПСС (1956 г.) и достигли крайней остроты в 1969–1970 гг., когда и Советский Союз, и Китай развернули вдоль советско-китайской границы крупные военные группировки.

Еще во второй половине XIX в. Российская империя заключила с Китаем ряд договоров, которые в Китае рассматривались как «неравноправные», и Россия причислялась вместе с Англией, Францией и США к колониальным державам. Однако, с другой стороны, подъем национально-освободительного движения и революционной активности в Китае в 1911–1920 гг. очевидным образом был связан с революциями 1905 и 1917 гг. в России. Китайская коммунистическая партия была создана в 1921 г. при поддержке РКП(б) и Коминтерна, идеологической основой этой партии был марксизм-ленинизм, а ее Устав был близок к Уставу РКП(б). После победы в гражданской войне

новое китайское государство — КНР создавалось во многих отношениях по образцу и модели Советского Союза.

События, которые происходили в СССР после смерти Сталина, стали очень трудным испытанием для КПК, где также существовал режим культа личности — и не только Мао Цзэдуна, но и Сталина. Китайские лидеры не одобрили решений как XX, так и XXII съездов КПСС, и идеологический конфликт между КПСС и КПК развивался крайне болезненно. Портреты отцов-основателей марксизма-ленинизма, которые можно было видеть в Китае, оставались без изменений — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун. Советский Союз в Китае перестали называть «старшим братом»: В СССР возобладал «ревизионизм», «оппортунизм» и «гегемонизм», и он стал теперь не только «врагом Китая», но иногда его объявляли «врагом № 1».

Отношения между Советским Союзом и Китаем начали меняться только с 1985 г. Инициатива исходила как от нового лидера КПСС Михаила Горбачева, так и от китайского руководства и лично от Дэн Сяопина. Надо сказать, что советская печать уже в 1983 г. перестала публиковать резкие антикитайские материалы, и о Китае писали теперь снова как о «социалистическом государстве». В свою очередь, и китайская печать начала называть СССР социалистическим государством, почти не упоминая таких терминов, как «гегемонизм» и «социал-империализм». Не прошло незамеченным в СССР и ускорение развития экономики КНР и расширение ее экономических связей со странами Запада. Новые руководители СССР не раз говорили в 1985 г. о своем желании и готовности изменить к лучшему советско-китайские отношения. В большой речи Михаила Горбачева, которую он произнес в июле 1986 г. во Владивостоке, можно было услышать такие слова: «Хочу подтвердить: СССР готов в любое время и на любом уровне обсудить с Китаем вопросы по созданию обстановки добрососедства. Советские люди с пониманием воспринимают выдвинутую Компартией Китая цель — модернизировать страну, построить в перспективе социалистическое общество, достойное великого народа. У нас с Китаем, насколько можно судить, приоритеты сходные — ускорение социально-экономического развития. И почему бы не поддержать друг друга, не сотрудничать в осуществлении своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обоим? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом. С удовольствием отмечаем, что наметился положительный сдвиг в экономических связях. Убеждены, что исторически сложившееся взаимодополнение советской и китайской экономик дает большие возможности для расширения этих связей. Некоторые крупные проблемы сотрудничества буквально стучатся в дверь. Мы, например, не хотим, чтобы пограничный Амур рассматривался как «водная преграда». Пусть бассейн этой могучей реки будет объединителем усилий китайского и советского народов по использованию на общую пользу имеющихся тут богатейших ресурсов и водохозяйственного строительства. Межправительственное соглашение на этот счет уже совместно разрабатывается. А официально граница могла бы проходить по главному фарватеру» (Известия. 1986. 29 июля).

Горбачев сделал не только важное заявление о готовности признать главный фарватер пограничных рек линией границы между СССР и КНР. Он сказал о готовности СССР содействовать строительству железной дороги между северо-западными районами Китая и Казахстаном, а также сотрудничать с Китаем в космических исследованиях и подготовке космонавтов, о расширении связей в области культуры и образования.

Разнообразные переговоры и консультации проводились между Китаем и СССР в 1986–1987 гг. Китай и Советский Союз обменялись большими торгово-экономическими выставками. Начал восстанавливаться обмен студентами, укреплялись научные контакты. В Китае начали проводить демонстрацию советских кинофильмов. Особенно большой успех имели фильмы «Белорусский вокзал», «Экипаж», «А зори здесь тихие». Последний фильм стал событием в китайской культурной жизни. В Пекине по его мотивам была поставлена опера. Позднее китайцы сняли свою версию повести Б. Васильева с китайскими артистами. Был снят и многосерийный фильм по мотивам ро-

мана «Как закалялась сталь». Советская культура снова становилась популярной в Китае. Однако китайское руководство в это же время не поддержало призыва М. Горбачева к «новому мышлению» и «гласности». Та массированная атака на марксизм и ленинизм, которая как бы стихийно стала проводиться в СССР в рамках политики «гласности», не нашла ни поддержки, ни понимания в Китае.

В самом начале 1988 г. в Советский Союз прибыл с визитом министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь. Он встречался не только со своим советским коллегой Эдуардом Шеварднадзе, но и с Михаилом Горбачевым. С ответным визитом в Китай вскоре вылетел глава МИДа СССР Э. Шеварднадзе. Главной темой его переговоров была подготовка к встрече в верхах: таких встреч у СССР и КНР не было уже несколько десятилетий. Наиболее важной в рамках начавшихся переговоров стала встреча Э. Шеварднадзе и Дэн Сяопина. Дэн Сяопин говорил весьма образно, но также очень ясно: «Покончить с прошлым, открыть будущее — такая задача стоит перед нами, — сказал он. — Это чрезвычайно трудная задача, потому что она затрагивает сложные вопросы. Многие из них относятся к прошлому, поэтому, решая их, надо знать прошлое. Но это не означает, что надо ворошить его. Надо знать, помнить, учитывать его уроки, чтобы идти вперед. Главное — открыть будущее.

Как я понимаю, именно наша встреча с советским руководителем должна решить эту задачу» (Из архива автора).

Государственный визит Михаила Горбачева в Китай был назначен на май 1989 г. Как раз весной 1989 г. внутрисполитическая обстановка в Китае и особенно в Пекине стала усложняться.

О событиях весны и лета 1989 года в Китае

В мою задачу не входит подробное изложение и анализ событий весны и лета 1989 г. в Китае, особенно в Пекине на площади Тяньаньмэнь. Однако о некоторых деталях этих событий, которые не были поняты и правильно оценены советским руководством, а тем более западными политиками и экспертами, следует сказать.

В Китае в период 1979–1989 гг. проводилась активная модернизация по разным направлениям — в промышленности и сельском хозяйстве, в армии и в системе образования. Однако общая система власти и роль Коммунистической партии и народной армии в стране не подвергались сомнению.

Успехи проводимых в это десятилетие реформ были очевидны, валовой внутренний продукт Китая увеличивался на 9–10% в год, и положение дел в стране явно улучшалось. Однако все еще сохранялись разного рода диспропорции. Экономическое развитие в разных провинциях было неодинаковым, а рыночные реформы сопровождались ростом коррупции и злоупотреблений. Происходила дифференциация в обществе, и в городах, и в деревне появились группы богатых или «новых» китайцев. Эти процессы порождали недовольство в обществе и особенно в молодежной среде. Очень большое влияние на общественные настроения в Китае оказывала горбачевская «перестройка» в СССР. Многие в Китае видели только позитивные стороны этой перестройки и не замечали возникших в СССР громадных рисков и угроз, о которых предпочитали не говорить и в окружении самого М. Горбачева. В то же время по разным каналам на молодежные группы и на студентов оказывали влияние и западные страны. В Китае в молодежной среде быстро росло и формировалось либерально-демократическое движение, которое выдвигало на первый план западные ценности. У этого движения появились и свои неофициальные вожди. Одной из наиболее влиятельных фигур среди пекинской молодежи была аспирантка факультета психологии Пекинского университета Чай Лин. В сущности в Китае началась подготовка «бархатной» или «оранжевой» революции. Для ее успеха нужно было мобилизовать большие массы молодежи вокруг какого-то важного политического события, а также организовать массовые беспорядки. Никто не призывал к воо-

руженному выступлению против режима, однако не исключалось и пролитие крови. «Только тогда, когда площадь Тяньаньмэнь умоется кровью, — говорил один из лидеров студенчества американскому журналисту Филиппу Каннингэму за месяц до введения войск, — только тогда китайский народ прозреет».

Различного рода несанкционированные манифестации в Пекине и, в первую очередь, на площади Тяньаньмэнь начались еще в апреле 1989 г. При этом в Пекин все время приезжали группы студентов и молодежи из других городов. Устанавливались контакты и с солдатами Пекинского гарнизона. Было очевидно, что готовится какая-то акция. Однако в Политбюро ЦК КПК не слишком ясно представляли, что происходит в обществе и как реагировать на происходящие события. Как раз в это время проходила активная подготовка к визиту в КНР советского лидера Михаила Горбачева, и в нелегальном молодежном штабе было решено приурочить основные выступления именно к этому визиту.

Визит Горбачева в Китай являлся крайне важным международным событием. Он должен был означать примирение двух самых крупных коммунистических государств, а также КПСС и КПК. Хотя сценарий этого визита был составлен заранее, никто не исключал разного рода неожиданных поворотов. Для освещения визита в Пекин прибыло более тысячи журналистов и экспертов из разных стран.

Многие события происходили спонтанно, и их трудно было прогнозировать. Первой «репетицией» «оранжевой» революции в Китае стали похороны Ху Яобана, одного из лидеров КПК, который еще в 1981 г. был по рекомендации Дэн Сяопина избран Генеральным секретарем ЦК КПК. Он был активным поборником реформ и «открытости», однако, через несколько лет у него возникли разногласия с Дэн Сяопином, и в 1987 г. он был снят со своего поста, по официальной формулировке, «за потворство буржуазным тенденциям и западному влиянию». Однако Ху Яобан остался членом Политбюро ЦК КПК и принимал участие в его заседаниях. Эти заседания проходят в закрытом режиме, и как раз во время одного из таких заседаний, в апреле, Ху Яобан неожиданно умер от сердечного приступа. Смерть Ху Яобана стала первым толчком к массовым демонстрациям китайской молодежи под лозунгами представления свободы слова («гласности»), проведения политических реформ. На площади Тяньаньмэнь начали собираться десятки тысяч молодых людей. Сменяя друг друга, они уже не расходились до середины мая, когда должен был состояться визит М. Горбачева. В центре площади, у монумента народным героям, сформировался штаб студентов. Началось и создание студенческих дружин. Шла активная организация огромных масс студенчества и молодежи, и власти КНР постепенно утрачивали контроль за положением дел на главной площади Пекина и на прилегающих к ней улицах.

Хотя в советской печати почти ничего не говорилось о событиях в Пекине, несмотря на гласность, в окружении Горбачева внимательно анализировали происходившие события. Высказывалось даже предложение отложить намеченный на 14–20 мая визит Горбачева в Китай. Однако после переговоров с руководством Китая было решено провести этот визит в оговоренные заранее сроки и по составленному сценарию.

Этот сценарий предполагал, что торжественная встреча российского лидера пройдет в центре Пекина на площади Тяньаньмэнь, там, где находился флагшток с флагом КНР и стоял постоянный почетный караул солдат НОАК. Однако события, происходившие в Пекине, вышли из-под контроля китайских властей еще тогда, когда самолет с большой советской делегацией находился в воздухе. Кроме министров и дипломатов, М. Горбачев пригласил принять участие в этом визите и многих известных деятелей культуры, писателей, режиссеров, крупных ученых, а также большую группу ведущих журналистов.

Уже с утра 14 мая весь центр Пекина и прилегавшие к нему улицы были запружены молодежью. По приблизительным подсчетам, на улицах Пекина находилось в это время около двух миллионов молодых людей, их действиями руководили студенческий штаб и командование молодежных народных дружин. Через советское посольство в Пекине было передано несколько обращений к Горбачеву с просьбой о встречах с представителями мо-

лодежи и о выступлении в Пекинском университете. «Мы глубоко восхищены Вашей книгой «Перестройка и новое мышление», — говорилось в одном из таких обращений, — и верим, что Ваш визит в Китай даст китайскому народу новые представления и идеи относительно осуществления реформ и строительства в социалистическом государстве».

Еще при подлете к Пекину Горбачев получил сообщение о том, что официальная церемония встречи советского лидера состоится прямо в аэропорту, а не в центре Пекина. Именно здесь советского лидера встретил Председатель КНР Ян Шанкунь. Прогрел двадцать один оружейный залп. Сам М. Горбачев писал позднее в своих воспоминаниях: «Кортеж автомобилей направился в резиденцию, расположенную в Дяоюйтае. Мы ехали окраинными дорогами, объезжая центр города: центральные магистрали и площади оказались заполнены демонстрантами. Студенты, как нам стало известно, готовы были оказать почести советскому лидеру, но пекинские власти не пошли на это. Возможно, они были не уверены, что смогут удержать ситуацию под контролем».

Не удалось возложить венок у памятника в честь героев революции. Я хотел это делать, больше того, от студентов был сигнал, что мы, мол, порядок обеспечим. Но китайское руководство, видимо, опасалось, что появление Горбачева на Тяньаньмэнь еще больше взвинтит обстановку. Хозяева наши остро переживали создавшуюся ситуацию, несколько раз извинялись, говоря, что впервые в истории КНР пришлось отступить от традиционно заведенного ритуала.

Во второй половине дня я встретился с Ян Шанкунем» (*Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995. С. 434.*).

На следующий день Михаил Горбачев встретился с премьером Госсовета Ли Пэном. Позже у Горбачева была большая беседа с Генсеком ЦК КПК Чжао Цзяньном. Однако главной частью визита была продолжительная беседа Горбачева с Дэн Сяопином, который, не занимая высших постов в государстве, оставался неоспоримым лидером нации. В своих воспоминаниях Горбачев просто приводит запись основных частей этой беседы, в которой Дэн Сяопин призвал советского лидера «закрыть прошлое и открыть будущее». Содержание всех этих бесед показывает, что китайские лидеры плохо понимали летом 1989 г. сущность и природу «перестройки» в СССР, а советские лидеры плохо понимали сущность и природу событий в Китае, которые развертывались на их глазах. Однако можно сказать и иначе: советские лидеры плохо представляли конечные цели и возможные последствия своих собственных действий, а китайские лидеры не слишком ясно представляли природу и возможные последствия массового молодежного движения. Они утратили контроль за положением в Пекине, и у них не было единого мнения по поводу того, что нужно делать, чтобы вернуть контроль в столице страны.

Было очевидно, что Михаил Горбачев явно сочувствовал китайской молодежи. Над огромной толпой молодежи на площади Тяньаньмэнь главными лозунгами были «Ура Горбачеву!» — на русском и китайском языках, а также «За нашу и вашу свободу!». Он был готов встретиться с представителями молодежи или даже выступить в Пекинском университете, но китайское руководство не считало возможным такого рода встречи. Тем не менее Горбачев решился на один весьма рискованный и вызывающий поступок. Во-первых, он предложил членам советской делегации как можно больше встречаться и беседовать с молодыми манифестантами в Пекине. Во-вторых, он и сам искал какой-то возможности встретиться с молодыми манифестантами, нарушая принятый в подобного рода государственных визитах протокол. Такая возможность представилась при посещении Великой Китайской стены. Вот что он сам писал в своих воспоминаниях:

«Атмосфера встреч с молодежью везде была просто чудесной, искренней. Мне запомнилась, в частности, встреча с демонстрантами на обратном пути с Великой Китайской стены. Служба безопасности, заметив впереди многочисленные колонны молодежи, хотела было направить кортеж машин куда-то в боковую улицу, но я попросил ехать прямо. Студенты, увидев мою машину, бурно нас приветствовали. Мы остановились, вышли из авто-

мобилей, обменялись рукопожатиями. Порядок демонстранты соблюдали образцовый, сами организовали живой коридор, и мы спокойно проехали, а уж за нами — охрана.

Словом, самые разнообразные контакты с китайской молодежью подтвердили, что я правильно поступил, решив не откладывать визита в Китай, хотя у некоторых наших товарищей и возникало сомнение — не помешают ли его успешному осуществлению начинавшиеся в Пекине студенческие выступления. Откровенно говоря, из Москвы мы все же не представляли масштаб этих выступлений. Пик студенческого протеста совпал с моим приездом в Пекин, но было бы, конечно, большим упрощением и просто неправдой усматривать здесь какую-то взаимосвязь, как это пытались делать многие из тысячи двухсот иностранных журналистов, съехавшихся освещать визит.

С чем шли люди на улицы, почему они решили приурочить наибольший размах демонстраций (по некоторым оценкам, в Пекине вышли на улицы не менее двух миллионов демонстрантов) к приезду Горбачева? В какой-то мере ответ на этот вопрос дают полученные мною обращения» (Там же. С. 447–448).

Представляется, что в своих воспоминаниях Михаил Горбачев искажает свои собственные впечатления от событий в Китае. На самом деле он испытал шок от увиденного и пребывал в растерянности. Уже поздно вечером 15 мая в посольстве СССР в Пекине без участия китайских представителей Михаил Горбачев собрал работников посольства, группу обеспечения визита, а также сопровождавших советского лидера деятелей науки и культуры. Бывший инструктор Отдела международной информации ЦК КПСС Юрий Тавровский вспоминал через 20 лет: «...Горбачев находился под сильным впечатлением от увиденного. Поглядывая на сидевшую рядом со мной уставшую и оттого необычайно молчаливую Раису Максимовну, он обратился к залу: «Вот тут некоторые из присутствующих подкидывали идею пойти китайским путем. Мы сегодня видели, куда ведет этот путь. Я не хочу, чтобы Красная площадь походила на площадь Тяньаньмэнь» (Профиль. 2009. 18 мая).

Разногласия между Дэн Сяопином и Горбачевым были не по проблемам советско-китайских отношений (здесь между ними было почти полное согласие), а по проблеме реформ в авторитарной социалистической стране (сами лидеры эти проблемы не обсуждали, но в их окружении обсуждение шло очень активно) и касались главным образом расстановки приоритетов. Дэн Сяопин заявлял, и не раз, что руководство КПК должно в первую очередь провести экономические реформы, добиться очевидного для всех улучшения экономического положения в стране и улучшения материального положения широких масс китайского народа. Только после этого можно будет планировать проведение каких-то демократических реформ, включая и свободу слова. У Горбачева была другая точка зрения. Он заявлял, что в первую очередь необходимо провести в стране глубокие демократические реформы, включая гласность, ибо без такой демократизации экономические реформы не будут иметь достаточного простора, не будут иметь перспектив и надежности. Без широкой демократии плодами экономических реформ воспользуется не народ, а дельцы криминальной экономики и коррумпированные чиновники.

Этот спор о «китайском» и о «горбачевском» путях реформирования авторитарного социалистического общества шел очень активно, хотя и неоткрыто, в советском аппарате власти, а также и в Китае. Весьма информированный на этот счет Юрий Тавровский свидетельствовал: «Среди участников визита в Китай было много сторонников «китайского пути», то есть реформирования социализма с приоритетом экономических преобразований над политическими. Они работали в ЦК, КГБ, ГРУ, в МИДе и академических институтах: ИМЭМО, институтах Дальнего Востока, востоковедения. Китаистов в советские времена готовили много, сначала — чтобы «вечно дружить», потом — чтобы вести войну холодную с возможным перерастанием в горячую. Поэтому «китайская мафия» во всех политикоформирующих организациях традиционно занимала второе место после американской. В ходе многомесячной подготовки к визиту было составлено несколько серьезных аналитических записок, рекомендовавших перенять опыт китайских

реформ, начатых Дэн Сяопином в 1978 г. и уже давших к тому времени зримые экономические результаты. Похоже, Горбачев колебался, намереваясь в ходе встречи с великим старцем и другими лидерами Китая всерьез поговорить о смене ориентиров перестройки, все более дестабилизировавшей СССР. Он особенно ждал встречи с Генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяном, которого в Москве считали китайским Горбачевым. Эти встречи состоялись, но только усугубили отторжение «китайского пути». Дэн Сяопин в те дни, когда ему для удержания обстановки под контролем приходилось принимать жесткие и жестокие решения, вряд ли был расположен хотя бы для приличия хвалить курс горбачевских политических реформ. Это по его приказу Чжао Цзян на второй день визита советского лидера был арестован и смещен со всех партийных постов (Там же).

Горбачев узнал о смещении и аресте Чжао Цзяна гораздо позже, уже в Москве. Их беседа в правительственной резиденции носила во многом официальный и не особенно откровенный характер. Однако генсек ЦК КПК в тот же день вечером пригласил М. Горбачева в небольшой китайский ресторан. Горбачев принял это приглашение, и здесь их беседа была гораздо более откровенной. Главной ее темой были события на площади Тяньаньмэнь и в университетских центрах Китая. Чжао Цзян был решительно против каких-либо силовых действий по отношению к студенческой молодежи, и Горбачев его поддержал. Он пригласил Чжао Цзяна в СССР. Через два дня Горбачев улетал в Шанхай, оттуда он должен был возвратиться в Москву. Поэтому 17 мая в Пекине состоялся большой прощальный банкет в честь советского лидера. На банкете Горбачева приветствовали премьер Госсовета Ли Пэн и председатель КНР Ян Шанкунь. Дэн Сяопин не считал нужным присутствовать на этом банкете. Но не было, к удивлению Горбачева, здесь и Чжао Цзяна — он уже был арестован.

После возвращения М. Горбачева в Москву в аппарате ЦК КПСС, в МИДе, а также на встречах ответственных работников международного и идеологического отделов ЦК КПСС со своими коллегами из социалистических стран итоги визита советского лидера в Китай весьма подробно обсуждались, но в закрытом порядке. Директива самого Горбачева, поддержанная и в Политбюро, была однозначна — объяснять всем братским коммунистическим партиям полную ошибочность, неприемлемость и даже опасность для правящих коммунистических партий «китайского образца» реформирования социалистического общества. Этот спор был, однако, решен историей совершенно иначе.

После того, как Горбачев вернулся в Москву, масштабы манифестаций в Китае сократились, но они не прекратились, а в некоторых отношениях положение даже обострилось. Часть студентов объявила голодовку. К демонстрантам-студентам примкнули многие представители интеллигенции, часть рабочих и служащих. В Пекин из провинции железнодорожники бесплатно доставляли десятки тысяч молодых людей. Главным лозунгом демонстрантов были не «Свобода и демократия», а «Долой продажных чинов!»). Но как можно было не только выполнить, но даже обсуждать это требование в условиях хаоса и беспорядков?

Как мы узнали позднее, и в штабе студентов, который руководил молодежными массами, были разногласия. Непрерывные дискуссии происходили в Пекинском, а также в других университетах. Высказывались опасения, что студенты, неискушенные в политике, становятся пешками в руках каких-то других сил. Многие родители призывали своих детей уйти с улиц и площадей Пекина. Однако в этих дискуссиях возобладали радикалы.

Михаил Горбачев уже улетел из Шанхая в Москву, когда в Пекине 20 мая с 10 часов утра было введено военное положение. Практически прекратилась работа городского транспорта. Иностранные корреспонденты, многие из которых прилетели в Пекин для освещения визита в Китай советского лидера, не могли свободно перемещаться по городу, вели свои репортажи и делали снимки, наблюдая за событиями из окон своих комнат в пекинских гостиницах! На дороге в аэропорт было много брошенных машин. По городу несколько сот студентов и студенток разъезжали на мотоциклах. Власть на улицах была в руках молодежного штаба, но что делать дальше, эти люди не знали.

Не было единства и в Политбюро ЦК КПК. За силовое подавление беспорядков, или «мятежа» высказывались премьер Ли Пэн и первый секретарь Пекинского горкома КПК и член Политбюро Ли Симин. Некоторые из членов Политбюро воздерживались от принятия ясного решения. Гарнизон Пекина уже не мог взять контроль в городе в свои руки, и доверия к нему не было. Окончательное и твердое решение принял Дэн Сяопин, который не входил в состав Политбюро, но продолжал возглавлять Центральный Военный Совет и обладал в Китае наибольшим авторитетом и властью. По его приказу войска пекинского гарнизона были выведены из столицы, а к городу быстро подошли несколько дивизий, в том числе и танковых, из ближайших провинций. Они получили приказ очистить центральную площадь. Очень многие из демонстрантов разошлись еще раньше, но те, кто продолжали блокировать улицы города, были разогнаны. Эта акция не обошлась без жертв, точное число которых неизвестно до сих пор. Погибли, по-видимому, несколько сот человек, в том числе и солдат НОАК, что свидетельствовало о вооруженном сопротивлении. Власть в Пекине 4 июня 1989 г. снова перешла в руки ЦК КПК и государства.

Из числа лидеров студенческого движения почти никто не погиб, они не собирались бросаться под танки, как это сделали несколько рядовых участников. Эти молодые люди бежали из Пекина. Упомянутая выше Чай Лин оказалась в США, где она охотно давала интервью и делала заявления. Она повторила свою версию событий и в 20-ю их годовщину.

Как и следовало ожидать, события 4 июня в Пекине были резко осуждены в США и почти во всех западных странах. США и Западная Европа ввели эмбарго на все поставки оружия в КНР, и этот запрет действует до сих пор. В СССР, выступая на заседании Верховного совета 6 июня 1989 г., Михаил Горбачев высказал сожаление по поводу событий в Пекине, о которых советская печать ничего или почти ничего тогда не писала, несмотря на «гласность».

От осени 1989 года к осени 1992 года

К осени 1989 г. прочная власть и авторитет Политбюро ЦК КПК в Китае были восстановлены. Смещенный со своих постов Чжао Цзяян находился под домашним арестом. Так он жил до своей смерти в 2004 г. Еще через пять лет в США были опубликованы его записки под названием «Пленник государства». Бывший генсек делал записи на кассетах для домашнего магнитофона, маскируя их под детские песни или записи пекинской оперы. Однако ничего нового из этих записей о событиях 1989 г. мы не узнали. Естественно, что Чжао Цзяян оправдывает свое поведение в апреле-мае 1989 г. и осуждает решение Дэн Сяопина. Но он и не скрывает, что его целью было постепенное движение Китая к демократии западного типа (Prisoner of the State // The Secret Journal of Zhao Ziyang. 2009. № 7.).

На пост Генерального секретаря ЦК КПК Дэн Сяопин предложил избрать Цзян Цзэминя, члена Постоянного комитета Политбюро, который ранее возглавлял шанхайскую организацию КПК. Китайские лидеры с тревогой наблюдали осенью 1989 г. и на протяжении всего 1990 г. за событиями в странах Восточной Европы, разрушением Берлинской стены, а затем и падением всех коммунистических режимов в Польше, ГДР, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и Румынии. Помешать такому неблагоприятному для коммунистического и социалистического движения ходу событий лидеры КПК не могли, и их старания были направлены на укрепление власти и влияния КПК в Китае. Еще в сентябре 1989 г., всего через несколько месяцев после трагических событий на площади Тяньаньмэнь, Дэн Сяопин заявил: «Сейчас вопрос не в том, упадет или нет знамя в Советском Союзе — хаос в СССР неизбежен, а в том, упадет или нет знамя в Китае». (Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. М., 2008. С. 43).

В 1990 г. Дэн Сяопин ушел с поста председателя Центрального Военного Совета КНР. Этот пост занял Цзян Цзэминь. Однако Дэн Сяопин продолжал оставаться лидером нации, не занимая никаких официальных государственных постов.

Положение дел в стране в 1990–1991 гг. было сложным. Реформы 1978–1984 гг. принесли большую пользу стране, но к концу десятилетия они себя исчерпали. Надо было искать новые рычаги, новые средства, новые идеи. Крушение КПСС и распад СССР ускорили поворот в политике КПК и КНР.

Инициативу нового поворота опять-таки взял на себя Дэн Сяопин, который в январе выехал в южные провинции Китая, где провел около двух месяцев. Именно здесь уже на протяжении десяти лет проводились различного рода эксперименты по внедрению в китайскую экономику рыночных отношений. Дэн Сяопин побывал почти во всех прибрежных регионах Китая, ибо он всегда говорил, что только практика может быть критерием истины. Здесь же на юге Дэн Сяопин выступил перед руководителями партийных организаций. В частности он заявил:

«Существенное различие между социализмом и капитализмом не в том, чего больше: планирования или рынка. Плановая экономика не тождественна социализму, при капитализме тоже существует планирование; рыночная экономика не тождественна капитализму, при социализме тоже есть рынок». То, как Дэн Сяопин ответил на вопрос, по которому долгое время велись споры, показало, что влияние традиционной идеологии не является таким уж непреодолимым препятствием и что главный вдохновитель реформ сделал исторический вклад в момент остановки реформы.

Под влиянием этой речи Дэн Сяопина в марте 1992 г. на заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение по вопросу планирования и рынка: «Планирование и рынок — это экономические средства. Необходимо, умело используя эти средства, ускорить развитие социалистической товарной экономики». 9 июня того же года на курсах усовершенствования кадровых работников из провинций и министерств в Центральной партийной школе Цзян Цзэминь заявил: «В последнее время благодаря изучению речей товарища Дэн Сяопина у нас появились новые формулировки: во-первых, создание системы социалистической товарной экономики, в которой сочетались бы планирование и рынок; во-вторых, создание системы социалистической рыночной экономики, содержащей элемент планирования; в-третьих, создание системы социалистической рыночной экономики. Я лично склоняюсь к использованию формулировки «система социалистической рыночной экономики».

В то время отдельные ученые предлагали в соответствии с реальным ходом реформ и духом речей Дэн Сяопина определить цель реформы — создание рыночной экономики.

В этих условиях в октябре 1992 г. XIV съезд КПК официально объявил: «Цель реформы экономической системы Китая — создание системы социалистической рыночной экономики» (Из материалов XIV съезда ЦК КПК. Из архива автора).

В сентябре и октябре 1992 г. я находился в Китае и мог лично убедиться в том, с каким одобрением приняли эти директивы Дэн Сяопина, а затем и съезда КПК партийные работники среднего звена. Во всех сферах социально-экономической жизни: в финансово-банковской системе, в валютной системе, в государственном и негосударственном секторах экономики, в системе ценообразования, а также в системе социального обеспечения начались реформы, которые в конечном счете укрепили и страну, и правящий режим. Все те, кто предполагал, что крушение КПСС и СССР вызовет в дальнейшем и крушение коммунистического режима в Китае, явно просчитались.